

НОВЫЙ РОМАН ГЮНТЕРА ГРАССА

Günter Grass. Örtlich betäubt.
Roman. Neuweid und Berlin, Luchter-
hand, 1969.

Роман Грасса «Под местным наркозом» во многом непохож на его предыдущие произведения.

Прежде всего, некоторые части романа даны в манере строгого реализма. Другие — «чисто грассовские» — все же менее «темперamentны» и, я бы сказала, менее «физиологичны», чем это было раньше. «Швы» между этими разными по манере частями заделаны довольно небрежно — преимущественно путем чисто внешних мотивировок.

Но несмотря на все это в романе — объективно — сквозь всю свойственную автору идейно-политическую двусмысленность порою просвечивает весьма убедительная правда о прошлом и настоящем ФРГ: о традициях реваншизма, о «рефлексии» и бездейственности либеральной интеллигенции, о «пене» и «сущности» в бунтарстве молодых, о сложных отношениях «отцов» и «детей».

Взаимоотношения «старших» и «младших» — это, пожалуй, самое существенное в романе. Поэтому неслучайна и главная линия произведения — судьба Эбергарда Штаруша, учителя немецкого языка и истории в выпускном классе средней школы. Причем большую, может быть, решающую роль в этой судьбе играют именно его взаимоотношения с «молодыми».

Разобраться в судьбе и пути Штаруша не так-то просто — в романе у него две биографии, одна — подлинная, отражающая действительную историю сорока прожитых им лет, и другая — пестрый хоровод фантастических событий, летопись того постоянного «бегства в фикции», которому он предается.

Обе биографии автор разбил вдребезги и перемешал, так что читатель вынужден заниматься работой Золушки — отделять реальность от «мифа». Возникающая при этом сложность сюжетного построения романа — несомненно плод вполне обдуманных намерений автора. Еще Стивенсон в знаменитой повести «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» с чрезвычайной остротой поставил вопрос о том, что, собственно, сидит в самой глубине души добропорядочного буржуазного интеллигента. Доктор Джекиль — человек почтенный, пассивный, внешне лишенный страстей — искусственно, путем научного эксперимента выделяет из себя двойника — активное, страстное, действенное начало своей личности. Но это второе «я», мистер Хайд, оказывается воплощением звериных законов жизни буржуазного общества — себялюбием, холодным злодеем, убийцей. И если в первой, реальной своей биографии Эбергард Штаруш столь же порядочен, как и мистер Джекиль, то в фантастических приключениях второй биографии он порою приобретает несомненное сходство с мистером Хайдом.

Биография Штаруша № 1 — во многом схожа с биографиями героев других произведений современной литературы ФРГ о гражданах третьего рейха, родившихся где-то в конце двадцатых годов. Из сопоставления дат следует, что Штаруш — человек года рождения 1927-го и к концу второй мировой войны он, глава подросточьей «банды», прозванный Штертебеккером, был арестован и сдан в штрафной батальон, где и занимался разминированием под огнем противника. Затем — краткий плен, освобождение, учеба и наконец должность преподавателя гимназии — студийнрата — в Западном Берлине.

Биография № 2 — так сказать, «мифическая», — создается постепенно, «толчками». Штаруш как бы «примеряет» к себе различные события и ситуации, которые дает ему действительность ФРГ, радио, телевидение, журналы, газеты. Он как бы делает частью своей биографии и крикливый отчет об убийстве, и телевизионную рекламу усовершенствованного холодильника, и газетную заметку о возвращении из плена домой отбывшего срок генерала, и многое другое. «Мифотворчество» облегчает (и отчасти объясняет) тот факт, что «бегство в фикции» происходит преимущественно в зубоврачебном кресле и перед телевизионным экраном, должествующим отвлечь пациента от испытываемых неприятностей. Чередование боли и местного наркоза, омертвляющего небо и язык, создают благоприятные предпосылки для всякого рода мрачных фантазий. К тому же операции с зубами и челюстями Штаруша настолько сложны, что прием больших доз наркотиков неизбежен и вне врачебного кабинета. Таким образом, «мифотворчество» не ограничивается часами пребывания у врача.

«Фикции» сложной системой ассоциаций связаны также и со всем процессом зубоврачевания: винный камень, обнаженный нерв, щипцы, гипс, цемент — все это вплетается в «миф» второй судьбы. Так, например, мифический отец мифической невесты Штаруша Зигелинды становится не только фельдмаршалом гитлеровской армии, но и владельцем крупнейшей фабрики цементно-гипсовых стройматериалов, и цементная пыль густым серым слоем ложится на деревья парка, где происходит знакомство Эбергарда и Зигелинды.

Что фельдмаршал Крингс — чистый миф, выясняет зубной врач (в целях отрезвления Штаруша), ставший за долгие часы лечения своеобразным другом своего пациента. По видимому, «миф» — и «Линдалиндалинда», выступающая во «второй судьбе» то как почти уличная девка, то как воплощение чистоты и прелести, то как юная «козочка», то как разжиревшая насадка — мать двоих сопливых ребят. Она — то невеста Штаруша, то его жена, то любовница старшего электрика Шлоттау, с которым она изменяла жениху с самого начала, то его же законная супруга.

СРЕДИ КНИГ

Применяя к себе свои газетно-книжно-журнальные и радио-телевизионные впечатления, Штаруш то душит ее велосипедной цепью (заметка в газете!), то едет с ней в путешествии по Франции (книга о романской архитектуре!), то убивает ее мать, их ребенка и ее саму выстрелами из револьвера (журнал «Квик!»). А в общем она покоится на самом дне усовершенствованного холодильника (реклама по телевидению!) вместе с телячьими почками, удостоверением А — военнопленного Штаруша и богатым витаминами шпинатом.

Однако самые дикие «фикции» насыщены реальным содержанием, определяющим действительность ФРГ.

Дух реваншизма в чрезвычайно выразительном ракурсе встает в маниакальном стремлении фельдмаршала Крингса вновь — но с другим исходом! — разыграть в ящике с песком все сражения, проигранные им на Восточном фронте.

А разве все способы разрешить «личные конфликты» с помощью ножа, веревки, револьвера не отражают мораль, лежащую в основе семейных и любовных отношений капиталистического мира?

«Вторая биография» тает, уходит из романа в период «отпуска» Штаруша — перерыва (на несколько недель) в зубо-врачебных процедурах. Тут в повествование входит главная тема, и оно становится на путь реализма.

Не все «коллоквиумы» в зубо-врачебном кресле уклонялись в сторону «мифа». Оба собеседника — поклонники стойкой философии — неоднократно делились и своими мыслями о формировании человеческой личности, о значении этого для общественной жизни. Причем оба они пришли к неким гуманистическим утопиям, которые выступают в романе в остранинном и пародийном облике.

Несмотря на это легко увидеть, что теория всеобъемлющей «одонтологической профилактики», построенная зубным врачом, — это всего лишь «маска», «внешняя оболочка» выношенной им мысли о том, что все люди, в сущности, больные и с детства, так сказать, «с молочных зубов» о них должны заботиться врачи, освобождая их от будущих физических страданий, которые неизбежно извратят и их нравственную природу.

Утопия врача — «всемирная больница», утопия учителя — «всемирная школа», воспитание с колыбели терпимости, стоического отношения к невзгодам.

Впрочем, у обоих утопистов хватает разума делиться своими домыслами (чисто теоретическими) лишь друг с другом, и притом в ироническом ключе.

Однако мобилизация этих теорий происходит тогда, когда в жизнь одного из «постепенцев» врезывается сторонник «прямого действия».

Писатели ФРГ — ровесники или почти ровесники Грасса — очень любят жалеть своих героев, а также гордиться тем самоупокоенным чувством вины, которое заставляет их без конца возвращаться к былым грехам.

Надо сказать, что в данном романе Грасс в этих слабостях не повинен. И «безжалостность» его к Штарушу (также и к его ровесникам) опирается на сопоставление их с младшими, с семнадцатилетними. Для Штаруша его прошлое — банда, арест, штрафной батальон — стало чем-то вроде морального капитала, на проценты с которого он хочет сейчас купить авторитет у своих учеников — семнадцатилетних бунтарей. Но если Штарушу это «моральное рантье» все-таки не мешает любить молодых — своих учеников, — болеть за их судьбу, то Ирмгард Зейферт, учительница музыки в той же гимназии, в том же классе, не видит и не чувствует ничего, непрерывно и самоупоенно погружаясь в сознание своей преступности и греховности. Двадцать пять лет назад — ей в ту пору было шестнадцать — она, фанатически преданная идеям гитлерюгенда, совершила донос на одного крестьянина. Правда, донос действия не возымел, крестьянин продолжал благополучно существовать и умер много лет спустя естественной смертью, но «донос» остается единственной козырной картой экзальтированной дамы, дающей ей возможность думать о себе и считать все бунтарские устремления молодых всего лишь средством для искупления ее «греха».

Ну, а как же обстоит дело не с рефлектирующими «постепенцами», а с молодыми сторонниками прямого действия? Грасс не был бы собой, если бы ответ здесь не был двусмысленным. И все же сквозь скептицизм, гротеск, стремление избежать прямых и точных выводов в романе порою просвечивает объективная правда о молодых, их делах и устремлениях.

Класс, в котором преподают Штаруш и Зейферт, представлен в романе дружеской парой. Это Филипп Шербаум — Флип, — семнадцатилетний мальчик с детскими ямочками на щеках, с гитарой, поэт-песенник, ученик Брехта. Он спокоен, насмешлив, вежлив и к учителю своему — old Hardy — относится снисходительно и терпимо. Вторая представительница этого класса — Вероника Леванд, Веро, шестнадцатилетняя девчонка в ярко-зеленых колготках. На стене ее комнаты портрет Че Гевары сменил Боба Дилана, и вся она охвачена стремлением к «ультрареволюционному» хэппенингу. Ни Флип, ни Штаруш, ни автор эту «вспышкопускательницу» всерьез не принимают.

Иначе обстоит дело с самим Флипом. На первый взгляд, тот способ, каким он хочет выразить протест против преступлений американской военщины во Вьетнаме, — это всего лишь образец дикости и недомыслия. Флип собирается вывести на Курфюрстендамма Макса — свою любимую таксу, облить ее бензином и сжечь всенародно — дабы жвачные твари в мехах и бриллиантах, которые жрут сладости на террасе модного отеля «Кемпински» воочию увидели, что такое горящая живая плоть.

Штаруш справедливо зовет эту затею глупой и зверской. Не менее справедливо

говорит он и о том, что делать мучеником за идею нельзя никого, даже собаку,— такую задачу можно брать только на себя.

На это Флип находит страшноватое и довольно убедительное возражение. Он бы сжег себя сам. Но не только печи Освенцима и Майданека, но и телевизионные экраны, на которых обыватели Западного Берлина ежедневно, крупным планом видят заживо горящих стариков, женщин, детей Вьетнама, приучили «жвачных» к тому, что человек есть нечто «приспособленное» для сожжения. Эмоциональная реакция погасла. Они могут возле экрана пить кофе, приговаривая «нехорошо, нехорошо, нехорошо». Огненная смерть пса вновь пробудит эмоциональную реакцию этих обывателей — животнoлюбов, а возле террасы Флип водрузит плакат — «вот так горят люди во Вьетнаме».

Штаруш опять-таки справедливо говорит, что Филиппа затопчут, растерзают. К этому он готов, отвечает мальчик.

Нет, дикая затея Филиппа — отнюдь не хэппенинг. Но думается, что все же она «подкинута» герою автором. В процессе напряженных споров со своим учеником Штаруш узнает о нем очень многое. В комнате Филиппа не висит портрет какого-либо современного пророка «прямого действия». С газетной полосы на стене на учителя смотрит лицо подростка — так похожего на его, Штаруша, сверстников. Это шестнадцатилетний Гельмут Хюбнер — член подпольной антифашистской организации молодежи, которая в течение двух лет печатала и распространяла листовки, обращенные к рабочим, военнопленным и солдатам немецкой армии. Хюбнер был арестован, подвергнут пыткам и казнен в тюрьме Плетцензее 27 октября 1942 года.

«Вот как оно было,— говорит Флип учителю.— И что же по сравнению с этим ваша подросточья банда!.. Тут не было никакого ребячьего анархизма... И он не был дилетантом. Он даже умел стенографировать и работать на аппарате Морзе». Думаю, что вот здесь, вероятно, даже помимо воли автора пробила настоящая правда о том *лучшем*, что есть в устремлениях молодых. И, честно говоря, трезвость Флипа, спокойствие, холодная умная беспощадность в критике ХДС и ее «среброязычного пророка» Кизингера, внутренняя присяга традициям *организованной борьбы* против фашизма — все это никак не вяжется с его фантастическими самоубийственными проектами.

Веро — это «пена» молодежного движения. Флип (таким он раскрывается в период наиболее интенсивного общения со Штарушем) — это носитель той «сущности», которая в этом движении все-таки существует.

Конечно, и «пена» есть выражение сущности, но отождествлять их никак нельзя.

Мне думается, что «прямое действие» Флипа автор облек в такую гротескную форму, так сказать, с заранее обдуманном намерением. Тем самым внутренне не только оправдана, но и вознесена победа глав-

ного мудреца и «постепеновца» — зубного врача,— утописта, которому удалось то, чего не мог добиться более эмоциональный учитель. Врач отговорил мальчика от его дикого плана, убедил его перейти к мирным, плавным формам общественного воздействия.

Но и это торжество, так сказать, «социал-демократического» пути не остается в романе без оговорки. А не подвергли ли мы также «местному наркозу», то есть частичному омертвлению, и волю Филиппа, закрыв тем самым для него путь «прямого действия»?

Этот вопрос Штаруша как бы замыкает в романе линию «семнадцатилетних».

Зыбкость идейно-эстетических позиций — это коренное свойство творчества Грасса. Но существенная правда истории просвечивает в этом романе о «старших и младших» интеллигентах ФРГ.

Е. КНИПОВИЧ

ВЕТСЯ НИТЬ АРИАДНЫ

Pierre Daix. Nouvelle critique et art moderne. Essai. Paris, Collection "Tel Quel" aux Editions du Seuil, 1968.

 оявилося еще одно исследование, посвященное специфике современного искусства, соотношению традиций и новаторства, актуальнейшей сегодня проблеме «авангардизма». Книжки, стремящиеся разрешить этот вопрос, выходят и в Советском Союзе, и за рубежом. Каждую открываешь с интересом: проблема не проста, далеко не все ее аспекты кристально ясны.

Ключевое слово эссе Пьера Дэкса «Новая критика и современное искусство» — rupture, то есть разрыв, перелом. О том, что современное искусство охотно вбирает опыт предшествующих веков, автор говорит достаточно ясно. Поэтому множественность синонимов — rupture, cassure, coupure — поначалу воспринимается как выражение главной задачи автора: оттенить грани понятия «новаторство». Намерение вполне естественное. Но каковы же эти самые крупные грани, позволяющие, по мнению Дэкса, воочию увидеть перелом, качественный скачок?

Прежде всего обостренное, возросшее стократ в наши дни внимание художника к слову, принципам художественной выразительности, структуре образа. Язык художественного произведения, справедливо утверждает Дэкс, одновременно индивидуален и социален, концентрирует в себе общественный опыт писателя, его строй чувств, впечатления, сохраненные памятью; при таком условии полнота взаимодействия между творческой личностью и языком произведения благоприятствует многообразию манер письма (multiplication des écritures).

СРЕДИ КНИГ